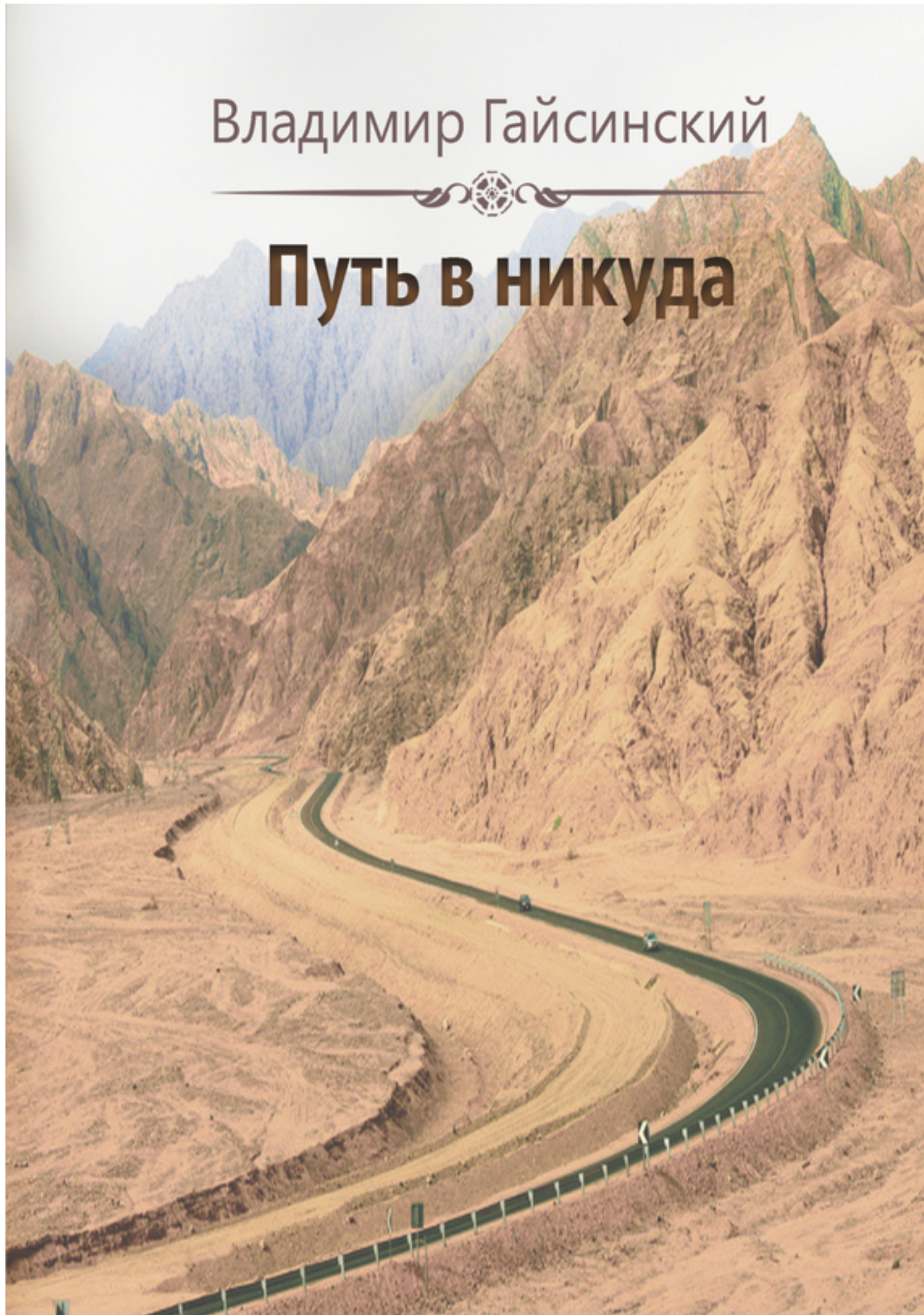

Владимир Гайсинский

Путь в никуда

Владимир Гайсинский

Путь в никуда

«Литео»

Гайсинский В.

Путь в никуда / В. Гайсинский — «Литео»,

ISBN 978-5-00-071690-8

О рождении и развитии исламофашизма.

ISBN 978-5-00-071690-8

© Гайсинский В.

© Литео

Содержание

Вместо предисловия	6
Книга 1	8
Часть 1. Детство	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	17
Часть 2. Юность	20
Глава 1	20
Глава 2	21
Глава 3	22
Глава 4	24
Глава 5	26
Глава 6	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владимир Гайсинский

Путь в никуда

Моей жене – да благословенна будет память о ней, посвящается

Вместо предисловия

Этот роман задуман давно. Перебирая старые заметки, я вновь попытался переосмыслить события давно минувших дней с точки зрения дня сегодняшнего. Конечно, не все в нем идеально, ибо мой герой, принявший ислам, рассуждает как человек изучивший Коран и нормы шариата в канонах классической мусульманской религии. Ему претит любое изменение и толкование, не соответствующее священной книге. В романе неоднократно подчеркивается, что шахидизм – это, прежде всего, внутренняя борьба мусульманина, что источник его бед – он сам, не сумевший убить в себе неверного. Так трактует эту заповедь классический ислам. Все трактовки шахидизма как агрессивные акции против неверных также далеки от ислама, как звезды от земли. И потому в душе героя идет внутренняя борьба между канонами ислама и утопией ревизионизма, опошляющей религию.

А вообще, роман о любви, любви, от которой до ненависти только один шаг. Только это чувство и является определяющим в понятии человек, любовь к женщине, Родине, работе да к самой жизни, наконец. Это и есть великое предназначение нашего существования и нашего счастья. А вот как трактует это исламский догмат: «Мусульманин отличается от немусульманина тем, что не хочет жить счастливо в этой жизни, смерть для него великое благо, к которому он должен стремиться». Если нравственная борьба Джурты и Садыка сводится к борьбе традиционного и ревизионистского ислама, то борьба Садыка и Камалы – это борьба между исковерканным исламом и полным беспределом, где убийство возведено в ранг величайшего достижения в деле служения Аллаху.

Сегодняшние события, борьба с Исламским Государством, это те ошибки, в которых повинен бывший Советский союз, Россия с ее чеченскими войнами, США, навязывающие силой оружия демократические ценности, лень и беспринципность Европы с ее мультикультурой. Мы все виноваты в том, что злой джинн современного радикального исламизма вырвался на свободу. Выступая на трибуне ООН, следовало бы сказать: «Это чего же мы все натворили?» – и всем вместе приступить к уничтожению чумы XXI века – исламофашизма. Иначе нам уготован путь в никуда.

Роман «Путь в никуда» охватывает большой промежуток времени: с конца пятидесятих годов со лживой солидарностью Советского народа, через вторжение советских войск в Афганистан, спровоцировавший зарождение крайне радикального исламизма, до наших дней, породивших такие явления, как ИГИЛ и массовая эмиграция в Европу мусульман.

Во второй книге романа уже сам Садык опасается греховности своих идей, видя, каких монстров они порождают. Для них, этих монстров, уже не существует ничего святого, и они готовы убивать даже своих братьев, оправдывая это служением Аллаху. Пытаясь анализировать причины, порождающие такое явление, как ИГИЛ, автор убеждается, что их очень много: здесь и духовная пустота, подменяемая западной культурой, являющейся полным противоречием канонам ислама, и социальная несправедливость, и диктаторские режимы, угнетающие и нещадно эксплуатирующие народ, и, наконец, имперские замашки некоторых руководителей государств. Нестабильность в мире, постоянные войны всегда являлись источником обогащения одних и разорения и упадка других, при этом мало кого интересовало, сколько крови и человеческих жизней будет загублено. Ни одна религия не призывает к насилию, наоборот, только любовь и терпимость, но многие богословы берут на себя ответственность трактовать слова Всевышнего по своему далеко не идеальному разумению, и это приводит к агрессии и жертвам, кровопролитию и войнам. Самым разумным считаю глубокий анализ Священных Писаний, встречи богословов различных вероисповеданий и религиозных конфессий и, конечно, упаси боже, недопустимость какой-либо политики, потому как именно она стала тормозом для принятия разумных решений. Духовность вещь интер-

национальная и никак не связана с политикой того или иного государства, сообщества и братства (уммы). Наша маленькая планета и без того подвержена сотням природных катаклизмов, способствующих ее полному уничтожению. Так неужели человечество способно усугубить это еще и различными духовными разногласиями? Цель моего романа – взглянуть на эти разногласия и прийти к разумным компромиссам.

Совпадение имен и событий, упомянутых в романе, носит случайный характер, т.к. образы героев собирательны и не относятся к конкретным личностям. Все авторские права юридически защищены и использование текста без согласия автора преследуется по закону.

Автор

Книга 1

Часть 1. Детство

Глава 1

За окном только-только начал пробиваться рассвет. Было сыро и холодно, ужасно хотелось есть. Джура открыл глаза, уселся на грязном матрасе и почесал затылок. Когда же это все началось? Сколько прошло лет и сколько событий произошло за это время? Сегодня, когда твой жизненный путь уже близок к завершению, что останется после тебя, жалкого ничтожества, которое предпочло мир иллюзий реальности и которое пытается выжить любой ценой? Да, цену за все это ты заплатил высокую, но стоило ли оно того и только ли твоя вина в этом? Ну, поступи ты по-другому, разве не этот же мучительный конец ожидал бы тебя еще тогда, когда ты молодой и полный сил, не познавший прелестей жизни, был захвачен в плен душманами? Джура закрыл глаза и по его морщинистому и давно небритому лицу покатались две крупные слезы.

Женька Степанов по прозвищу Жека появился на свет зимой 1957 года в городе Ташкенте, где после войны обосновались его родители и родители его родителей. Жека был худым и слабым, может, потому, что был поздним ребенком. Да и откуда им было взяться, своевременно зачатым детям? Сначала война, потом борьба с разрухой, а надо было еще выучиться, получить специальность, встать, как говорится, на ноги. И если у тебя на руках престарелые родители да брат-калека, тут уж не до собственной семьи, но отец Жеки все сумел преодолеть: и женился, и Жеку «родил». Поскольку Жека был болезненным ребенком, а врачей хронически не доставало, так как большую часть хороших и опытных специалистов расстрелял товарищ Сталин, а новые кадры готовили из местных, он умудрился переболеть всеми детскими болезнями, известными в те дни.

Вдоволь наболевшись и изрядно потрепав нервы своим родителям, Жека пошел в детский сад, где сразу в первый день подрался, получив хорошую взбучку от пацана посильнее и поздоровее его. Размазывая слезы и красные сопли, Жека заявил, что больше нога его не ступит в этот бандитский детский сад, где только и знают, что бить по роже, а вечером отец внушал сыну, что драться не хорошо, но нужно уметь постоять за себя, а не высказываться перед воспитателем, да еще в таких выражениях. Как бы там ни было, но Жека снова пошел в этот бандитский сад и ходил в него до самой школы. Если бы тогда Жека знал, в какой школе он будет учиться, детский сад ему показался бы райским местом.

Уже в первом классе с ним вместе училось восемь хронических второгодников, некоторые из которых задержались в первом классе, кажется, на три года подряд, причем среди них были не только пацаны, но и девчонки. Все они были из семей хронических алкоголиков и жили в районе, который именовали Шанхаем. Шанхай – это район одноэтажных индивидуальных застроек с общими дворами и удобствами в них, здесь буйным цветом цвели пьянство и проституция одиноких женщин, так и не устроивших судьбу после войны.

Недалеко от школы, где учился Жека, были знаменитая Тезиковка (Тезиковский базар); Парк Железнодорожников, в котором постоянно выясняли отношения персы и русские; клуб строителей, прозванный «Лимония», в котором постоянно ошивались алкаши и наркоманы; а еще стекляшка на конечной остановке автобуса 9-го маршрута, где в любое время суток торговали темно-желтым пойлом, называемым почему-то пивом. О каждой из этих достопримечательностей старого Ташкента можно было бы написать отдельный рассказ, но в

памяти Жеки сохранились лишь некоторые эпизоды об этих злчных местах. В стекляшке обычно собирались алкашифронтовики. Какие они были фронтовики, история умалчивает, но по большей части это были так называемые обозники, не нюхавшие пороха и активно сотрудничавшие со «Смершем». В пьяном угаре они рвали на себе рубахи и хвастались подвигами, которые никогда не совершали. Всех их объединяла не война, а страсть к водке, и все они, залив глаза, хвастались друг перед другом своим геройством. Если же кто-то начинал сомневаться в подлинности рассказа о рукопожатии маршала Жукова за взятого в бою «языка», начинались крик и драка, а поскольку дрались мужики, плохо стоящие на ногах от принятого спиртного, то и кровищи после этих побоищ было много, зато потом эти шрамы и раны предьявлялись как ранения на войне. Когда мордобой был в самом разгаре, появлялась милиция на стареньком мотоцикле ИЖ, заведя которую дерущиеся ретировались, а те направлялись к продавцу пива, о чем-то с ним шептались, получали сверток в газете и удалялись до следующего мордобоя.

Однажды сосед, разводивший голубей, подарил Жеке голубя – простого сизаря, пойманного им накануне, и Жека помешался на голубях. Он стал завсегдатаем Тезиковки, где по воскресным дням собирались знаменитые толкучки. Боже, чего там только не продавали, и какой только народ там не собирался: птичники, торговавшие попугайчиками, канарейками и голубями; собачники со щенками и котятами; любители аквариумных рыбок; книжники с запрещенной литературой; барахольщики с импортными тряпками; сантехники, торговавшие ворованными кранами и смесителями; умельцы со своими поделками и прочая шушера, пытающаяся сбуть всякое барахло. Но были и деятели покруче. Эти торговали золотом и валютой, мехами и оружием. Были и те, кто продавал наркотики. У этих были прикормленные точки – часовые мастерские или комиссионки – но и там нужна была осторожность, потому они и пользовались услугами пацанов, стоящих «на стреме». Эти лихие оборванцы, издав далеко вычислявшие чужака на рынке, по цепочке передавали новость, клиент сбрасывал товар в надежном месте, и ни один милиционер или «габешник» ничего не мог отыскать. Труд пацанов, естественно, оплачивался, и у Жеки появились деньги, а десятка у восьмилетнего пацана – это большие деньги.

В одном классе с Жекой училась Зинка. Зинка была второгодницей и должна была бы учиться в пятом классе, ну вот Жека и запал на эту Зинку: она ему снилась по ночам голой и с красивой круглой попкой. Другие пацаны говорили, и Жека слышал, что Зинка дает, только не всем, а кто может хорошо угостить мороженым и лимонадом. Однажды Жека решился. Он купил две бутылки лимонада и четыре пломбира и после уроков позвал Зинку домой якобы помочь той по истории, а уж «Историю древнего мира» Жека знал лучше всех в классе. Зинка, как ни странно, согласилась то ли оттого, что действительно хотела исправить двойку по истории, то ли падка была до лимонада, а родители у Жеки целыми днями на работе. Ну, в общем, закрылись они у Жеки дома, и, усадив Зинку на диван, Жека полез к ней целоваться, и пока он целовал Зинкины щеки и шею, та стянула с него рубашку, штаны и трусы, так что Жека предстал перед ней в костюме маленького и очень худого Адама с топорщащимся достоинством, которое Зинка едва рассмотрела. Зинка улеглась на диван, бесстыже оголив ноги и зад, а Жека, повалившись на нее, стал усиленно дрыгать ногами, имитируя половой акт. После безуспешных попыток как-то ублажить Зинку, Жека отдал ей все мороженое и лимонад, а та, уминая все это и запивая сладкой газировкой, стала смеяться над Жекой, говоря, что Сидоров по кличке Сидор хоть и не покупает ей лимонад, но в постели намного лучше Жеки и с ним ей приятней даже без пломбира. Все это так взбесило Жеку, что он шлепнул Зинку по ее круглому задку и послал ее на три буквы совсем как сосед дядя Леша в пьяном угаре. Зинка обиделась и ушла, а в памяти Жеки осталось очень неприятное воспоминание от этого первого сексуального урока.

26 апреля 1966 года в Ташкенте произошло сильное землетрясение. Оно началось где-то под утро: неожиданно загудела земля, воздушная электропроводка с шипением стала искрить на раскачивающихся столбах, стало светло, как днем, от сыпавшихся со всех сторон искр, старые балки крыш с шумом ломались, продавливая ветхие потолки, в многоэтажных домах все летало по комнатам, там землетрясение ощущалось гораздо сильнее, люди бежали из домов и квартир полуголые, даже дядя Леша, принявший накануне изрядное количество спиртного, выскочил в одних трусах на улицу совершенно трезвым. До самого утра, то есть пока совсем не рассвело, никто не захотел возвращаться в свои дома, а утром все пошли на работу и в школу, но землетрясение продолжалось, периодические толчки следовали один за другим. Самым популярным человеком в эти дни стал директор Ташкентской сейсмостанции по фамилии Уломов. Он каждый вечер появлялся на экране местного телеканала и что-то грустно бормотал о том, что ученые еще не научились предсказывать землетрясения и нет возможности сказать, когда будет очередной толчок. Понимая, что рассчитывать на прогнозы сейсмологов нельзя, народ выставил кровати на улицы и так жил все лето, тогда в Ташкенте можно было увидеть, как на автобусной остановке стояла кровать, и в ней кто-то спал, а в это время подходил автобус и забирал припозднившегося пассажира. Жителей Ташкента тогда объединило общее горе, ведь многие остались без крыши над головой. Особенно пострадал Старый город. Глинобитные мазанки не выдержали толчков и рассыпались полностью, люди жили в палатках. Развалилось и здание магазина «Детский мир», срочно товары стали распродавать под временными навесами, но вот что странно: почти не было случаев воровства и грабежей. Правда, было это недолго, вскоре в Ташкент стали прибывать строители со всего Союза, а с ними вместе и те, кто искал легкой наживы. Криминальная обстановка сразу же обострилась, и на улицах появились военные патрули с собаками.

Район, где жил Жека, считался не то чтобы совсем не аварийным, а так, пригодным для проживания, и потому дома Шанхая решено было не сносить, и перспективу его переустройства отложили до лучших времен. Вот сюда и устремился криминал, здесь снимали углы воры, проститутки и наркоманы, которые по вечерам выходили на промысел. Воры воровали, так как аварийные квартиры не запирались, проститутки находили строителей, оставивших семьи в России и искавших утешение в женских ласках, наркоторговцы сбывали дозы, способные отвлечь от скуки и одиночества, и все это здесь, на отшибе, где полубеспризорная пацанва постигала премудрости жизни. Босоногие, в одних трусах, носились они по раскаленному от солнца асфальту, купались в грязной Саларе (речке, текущей по городу), а вечером с разбитыми локтями и коленями представляли перед родителями с дневниками, в которых пятерки по физкультуре соседствовали с двойками по арифметике и русскому. А еще драки один на один до первой крови и заглядывание на девчонок, а уж если ты, осмелев, приглашал девчонку на танец, ведь и такое бывало в пионерских лагерях, где через день показывали кино или были танцы, ты был крутой пацан и имел авторитет среди сверстников. Среди пацанов были такие, которые имели неосторожность забредать в чужие районы, и если их там били, начинались разборки между районами. Неважно, кто это был: может, в своем районе его тоже нещадно молотили и унижали, но, если это были пацаны из чужого района, все как один поднимались на его защиту, и тогда начинались кровавые разборки с участием мелюзги и ребят постарше, которые ходили с ножами и цепями. Жека запомнил разборку, которая была в Парке Железнодорожников, который почему-то назывался парк КОР. Там дрались персы с пацанами из окрестных домов, драка закончилась убийством: кто-то притащил ракетницу и выстрелил из нее в живот персу, тот орал, а кишки его горели каким-то красно-ядовитым пламенем и воняли чем-то непонятным, такого запаха Жека не знал.

Придя в школу 1 сентября, Жека обнаружил, что в их класс пришел новенький. Тогда Жека не знал какую роль сыграет этот новенький в его судьбе.

Глава 2

Этот новенький появился в классе у Жеки в начале нового учебного года. Просто все явились в школу, расселись за парты, и вошла учительница Вера Семеновна, а за ней этот новенький. Жека сидел один, потому как парта его была в первом ряду, а все второгодники-балбесы старались усестись подальше от учительского стола, на «камчатке», и потому место рядом с Жекой пустовало. «В этом году у нас будет учиться новый ученик, его зовут Саша, фамилия Фельдман, он приехал с родителями, прибывшими на восстановление Ташкента». Потом она обвела класс взглядом и, увидев место рядом с Жекой, указала на свободное место – «иди, садись».

Так Сашка начал учиться с Жекой. Отец Сашки был начальником автоколонны, а мать тренером по художественной гимнастике, и потому сам Сашка тоже был спортивным мальчиком с хорошо развитыми мышцами, высокий и стройный для своих лет, был он смуглым с прямым носом, большими карими глазами и длинными, почти девичьими ресницами. В общем, красивым был пацаном, и девчонки на него заглядывались, тихонько вздыхая, но Сашка почемуто их в упор не замечал. Попал Сашка в эту школу совершенно случайно: просто в соседней многоэтажке, что соседствовала с общим двором, где стояла кибитка родителей Жеки, умерла одинокая старуха, и родителям Сашки дали ее квартиру, а поскольку ближе школ не было, он и стал ходить в эту. Сашка, на удивление, оказался очень способным учеником, хотя точные предметы шли у него лучше, а вот что Сашка не любил, так это историю – любимый предмет Жеки. И не то чтобы Сашка не мог запомнить какие-то даты или выучить то, что написано в учебнике. Просто, как потом выяснил Жека, он ничего не учил, хотя читал Сашка много, очень много. Это Жека понял, когда однажды встретил Сашку на Тезиковке, где тот слонялся между книжных развалов, что-то выискивая и перешептываясь с продавцами книг. Вообще, Сашка был какой-то загадочный пацан: во-первых, он был умный и рассуждал по-взрослому, во-вторых, он никого не боялся, и в-третьих, он был непонятной нации. Кто такие евреи, Жека не знал. Так уж получилось, что в Шанхае их не было. Ну, видел он пару раз евреев: одну толстую тетку, торговавшую газировкой при входе на госпитальный рынок, и еще Яшку парикмахера. Люди как люди: и газировку покупали, и стриг Яшка, что надо, и чубчик оставлял ровно настолько, что был красив и нравился самому себе. А тут сидит рядом с тобой в классе – умный, красивый и загадочный.

Первый урок, кто такие евреи, дал Жеке дядя Леша, который, изрядно залив глаза, объяснил, что от них, этих «явреев», все беды русским, мол, они Бога русского Иисуса Христа распяли и кровь младенцев в свои лепешки добавляют, и что мало их Гитлер убивал, и жаль, что всех не перебил. А еще дядя Леша рассказал, что все евреи во время войны отсиживались здесь, в Ташкенте, и все как один выучились на врачей, и после войны они хотели отравить нашего великого вождя и учителя товарища Сталина, за которого он, дядя Леша, шел в смертельный бой и готов был умереть. Жека, конечно, не очень поверил в этот бред, тем более что уже прошел XX съезд Компартии, и о подвигах Сталина было кое-что известно, но все же решил узнать побольше от родителей. Отец прямо сказал Жеке, что ее Лешка несет пьяный бред, что и во время войны он работал проводником вагонов и спекулировал так же, как и сейчас, а вот отец Сашки действительно фронтовик, и у него два ордена и восемь медалей, и это может подтвердить Жекин дядя, который встречался с ним на торжествах в честь Дня Победы.

И все же Жеке чертовски хотелось разобраться, кто они такие, евреи, и почему его так тянет к Сашке, ведь были и до него пацаны, с которыми он гонял мяч и бегал по базарам, покупал и перепродавал голубей, дрался за пацанов с улицы, а с Сашкой нашлись какие-то новые дела. Они собирали планеры и транзисторные приемники, фотографировали и стали

ходить во Дворец Пионеров, который был совсем рядом, через дорогу, и который он, Жека, в упор не замечал и, если бы не Сашка, так о нем бы и не узнал. Тогда все пацаны бредили вокальноинструментальными ансамблями, и как-то так получилось, что из продажи исчезли гитары, а Жека мечтал научиться играть на гитаре, и тогда Сашка предложил сделать гитару самим. Конечно, Жека загорелся этой идеей и побежал в сарай отыскивать фанеру и доски для грифа, но Сашка быстро осадил пыл Жеки и сказал, что так ничего не получится, что надо посоветоваться со специалистами, найти чертежи и подходящие материалы. Время шло, а Сашка все возился с чертежами и материалами, покупая какуюто ненужную литературу по электросхемам. Прошло несколько лет, постепенно Жека забыл о том, что когда-то хотел сделать гитару сам. Он ходил во Дворец Пионеров, где ему предложили вместо гитары балалайку, и там он брэнчал в ансамбле народных инструментов. Но вот однажды, в день рождения Жеки, Сашка появился у него с каким-то предметом, завернутым в простыню. Жека развернул простынь и ахнул: перед ним лежала ярко-красная электрогитара со всеми регуляторами громкости, тембра и прочими наворотами. Сашка воткнул провод в специальное гнездо на корпусе гитары, второй конец в заднюю стенку Жекиной радиолы и, включив радиолу, сказал: «Играй». Жека ударил по струнам, и раздался аккорд, усиленный динамиком радиолы:

«Учкудук, три колодца, защити, защити нас от солнца...» – запел Жека.

«Это тебе мой подарок», – просто сказал Сашка. Но это был поистине царский подарок, ведь он был еще и сделан Сашкиными руками.

А еще Сашка любил спорт, любил часами гонять мяч и ходил в секцию, которую называл секцией бокса, хотя то, чему там учили, боксом назвать было трудно, потому что там разрешались удары не только руками, но и ногами. Однажды Сашка взял Жеку на одну из тренировок, но Жеке этот вид спорта показался слишком жестоким, и он больше никогда не увязывался за Сашкой на его тренировки.

Положительность Сашки, скрытый антисемитизм, существовавший в среде, где он жил, порождали ненависть к нему и тем, с кем он общался. Особенно его ненавидел Сидоров, который был старше и всячески пытался задираться, чтобы унижить Сашку. И вот однажды сдержанный и, в общем-то, не стремящийся конфликтовать Сашка что-то ответил Сидору, и тот пошел на него с кулаками: «Да я тебя, жиденок!». Он замахнулся и хотел врезать Сашке, но тот ловко увернулся и неожиданно нанес удар Сидору под ребра, Сидор задохнулся и осел на пол. С тех пор немногие хотели обострять отношения и конфликтовать с Сашкой, тем более что и сам он старался не конфликтовать.

Если бы Жеку спросили, сколько у него друзей, он мог бы назвать весь район Шанхая, но все это было не то. Пожалуй, единственным и настоящим другом для него был Сашка, без которого он не мог прожить и дня. Он ежедневно приходил к нему, что-то неуловимое тянуло его в этот дом, молча посидев с полчаса, он прощался и уходил, вежливо отказавшись от предложенного чая, но традиция этих приходов была ежедневной, а Сашка, наблюдавший за Жекой, молча пожимал плечами, переглядываясь с матерью, и потом они весело хохотали, когда Жека уходил.

«Так чего он приходил?» – хохоча, спрашивала мать у Сашки, а тот, так и не найдя ответа, пожимал плечами.

Глава 3

Был у Жеки еще один закадычный приятель Сережка Мокеев по кличке Мокей. Если вам скажут, что в СССР не было беспризорников, вы не верьте, потому что Мокей и его сестра Люська были в самом деле беспризорники. Их родители дядя Леша и тетя Мария работали на железной дороге проводниками и ездили на поезде Ташкент – Москва, а это

значит три дня пути в один конец и три дня обратно. Бабка, которую наняли родители Мокея для присмотра за детьми, за ними не смотрела, а пила всю неделю и потом валялась пьяная и обгаженная в собственной блевотине и моче. Встречались родители с детьми в конце субботы, привозили им разные вкусности из Москвы, и Сережка с Люськой наедались от пуза шоколадом и зефиром, а потом дядя Леша пил весь конец субботы и все воскресенье, чтобы в понедельник снова уехать с тетей Марией в Москву.

«Самое противное время – когда они возвращаются из поездки», – когда-то сказал Мокей. А дело в том, что дядя Леша не просто пил, он еще и дебоширил, то есть ругался матом и бил тетку Марию, Люську и Мокея. Бил страшным боем, требуя денег на пол-литра, а поскольку силы он был недюжинной, то однажды сломал ключицу у Люськи, а уж сколько раз ломал руки Мокею, это и не сосчитать. И что интересно, когда пьяный дебош доходил до апогея, тетка Мария с детьми бежала спасаться от озверевшего Лешки к родителям Сашки, хотя люто ненавидела евреев, как и ее муж. Когда Жека приставал к Мокею с вопросом, почему они прячутся от побоев у евреев, ведь вокруг полно русских соседей, Мокей всегда отвечал одно и то же, мол, все жида, конечно, сволочи, но вот Фельдманы эти хорошие. Так что по мокеевской логике выходило, что и среди этой нации есть исключения.

Если говорить о потенциальном бандите и хулигане – его ярким представителем был Мокей, предоставленный самому себе. Вечно голодный, лишенный родительской ласки и внимания, он носился по Шанхаю, приворовывавший, выпрашивающий еду и дерущийся по любому поводу. И он, как и Жека, был частым гостем в квартире Фельдманов, но если для Жеки главным было общение, то Мокею просто хотелось пожрать. Однажды, когда дядя Леша в очередном пьяном загуле разогнал домашних по соседям, к нему зашел Сашка, за которым следовал Жека. Увидев Сашку, дядя Леша почему-то погрузился и вдруг неожиданно и почти по-доброму спросил: «Скажи, Сашка, ну почему он так меня ненавидит? Ведь все, что делаю, все для него и спекулирую, и везу все для него, а он, ты бы видел, каким зверенышем он на меня смотрит». Сашка даже поначалу не понял о ком речь, а потом догадался: оказывается, дядя Леша говорил о Сережке, которого тот нещадно колотил. «А может, я его и луплю только потому, что вы, жида, ему ближе родного отца». Сашка, смело посмотрев в эти пьяные глаза, вдруг заявил: «То ли еще будет, придет срок, Сережка вырастет и тебя, дядя Леша, покалечит, он будет гонять тебя по улицам так же, как это делаешь ты сейчас, но тебя никто не пожалеет, потому что ты сам был во всем виноват». Потом Сашка резко повернулся и вышел, громко стукнув дверью, а за дверью раздался пьяный мат Лешки и проклятия в адрес всех евреев вообще и семьи Фельдманов в частности. По дороге домой Сашка еще раз повторил Жеке: «Запомни, что я ему сказал, так и будет, Мокей его покалечит, но мне его не жаль, мне жалко Сережку, которому эта пьяная скотина ломает судьбу». Жека плелся за Сашкой и думал, откуда, ну откуда берется у этого пацана смелость так разговаривать с пьяным дядей Лешей, и почему он так уверен в том, что судьба Сережки пойдет наперекосяк.

Мокей был лучшим в лазании по деревьям, равных ему в этом не было. А в старых районах Ташкента было полно фруктовых деревьев, растущих прямо на улицах. Вот почему с приходом лета для Мокея начинался рай: он мог целыми днями объедаться вишней и боярышником, яблоками и урюком, правда, плоды не успевали созреть и были кислыми, но зато в животе не урчало от голода и присутствовало чувство насыщения.

Однажды отец Сашки достал две путевки в пионерский лагерь и предложил Мокею поехать в лагерь вместе с Сашкой. Мокей, который никогда не отдыхал в пионерских лагерях, с радостью согласился, но пробыл Мокей в лагере только половину смены. Потом Сашка в присутствии Мокея рассказывал Жеке, как Мокей полсмены просидел в кровати без трусов под простыней, потому что вожатый реквизирует у Мокея трусы. Мокей, никогда не бывавший в лагере, и здесь не ходил строем, а лазил по деревьям, лез в бассейн или ошивался в столовой, приворовывая хлеб и масло, то есть являлся грубым нарушителем общественного

порядка. Он задибался с пацанами из соседних отрядов, а потом дрался с ними и, если чувствовал, что будет поколочен, обращался за помощью к Сашке, хотя чаще всего был неправ. В общем, скоро он своими нарушениями надоел не только вожатому, но и всем остальным, включая Сашку, и когда к нему в очередной выходной приехала мать, и Мокей начал ныть, что ему плохо в лагере, все с радостью решили, что Мокею будет лучше дома. В тот же вечер Мокей был поколочен пьяным отцом, и его жизнь вошла в привычную колею, где уже завтра не будет хождения строем и песен у костра, это пионерское счастье Серега Мокей сразу возненавидел. Мокею было гораздо ближе шатание по Тезиковке с постоянными приработками, лазание по деревьям, воровство и пьянки, анаша и брошенная в седьмом классе школа и многое, из чего в конечном итоге складывается судьба.

Была у Мокея мечта – велосипед с моторчиком, были и такие. От поворота педалей мотор начинал работать, а дальше кати себе, пока есть бензин в бензобаке. Мокей часто приставал к отцу с просьбой о покупке такого велосипеда. И вот, после очередной удачной спекулятивной сделки, дядя Леша отстегнул Мокею некую сумму, которой хватило, нет, не на новый, а на очень поношенный древний велосипед со старым тарахтящим мотором. Теперь у Мокея появилась цель в жизни: он целыми днями то и дело чинил свой велосипед и его мотор, который, несмотря на это, постоянно чихал и засорялся. В течение недели Мокей ездил на своем драндулете день, полтора, а все остальное время был в простое и починке. Так продолжалось почти три месяца, но восстановленный руками Мокея велосипед однажды понесся вперед. От счастья, что мотор не чихает и не хрипит, Мокей так разогнал машину, что не справился с управлением и на всей скорости влетел в большой арык. Результат – поломанная рука, шишки и ссадины. Руку Мокея заковали в гипс, шишки и ссадины прошли сами собой, а вот велосипед уже больше не подлежал восстановлению, и его пришлось просто выкинуть. После этого Жека не помнил, чтобы Мокей еще чем-нибудь увлекался, кроме портвейна и анаши, а потому все больше и больше отдалялся от него.

Зато у Мокея появился новый друг Юрка Самара, который был старше Мокея и был авторитетом для него. Именно с его подачи с Мокеем случилось то, что привело его на тюремные нары и сломало судьбу, в общем-то, неплохого парня.

Глава 4

Шли годы. Жека, повзрослев, увлекся литературой. Он с упоением читал и даже пытался сам что-то сочинять. Его лирическо-ностальгические стихи очень любили слушать девчонки из класса. Пацаны уже заглядывались на их ноги и набухшие груди, а те, понимая, в чем их превосходство, вертели ими, как хотели. Жека все чаще и чаще навещался к Фельдманам: у них была большая библиотека, и Сашка охотно давал Жеке разную литературу. Сам Сашка предпочитал читать литературу техническую, где было много схем и формул с расчетами. Тогда остро стояла проблема лириков и физиков, и что странно, именно физики в этой борьбе держали первенство: они первые слушали бардов, первые узнавали о новинках на книжных полках, и именно их почему-то больше любили девчонки. А может, Жека был не прав, но ярко выраженный физик Сашка обставлял лирическую натуру Жеки на все сто.

Несколько раз Жека забегал к Сашке, но того не было дома, на его вопросы, где тот мог быть, мать Сашки отвечала: «Гуляет где-нибудь». Жека ломал голову в догадках, куда же исчезает его друг, ведь всегда и везде увлечения Сашки сопровождались живым участием Жеки – и вдруг! Жека решил во что бы то ни стало узнать это. Однажды вечером, после неудачной попытки застать Сашку дома, он бесцельно бродил у кинотеатра «Ударник» и увидел их – да, да, своего друга Сашку с девчонкой. Как подойти? Что сказать? Да и удобно ли это? Еще подумают, что специально следил за ними. Жека уже настроился ретироваться и исчезнуть, но Сашка тоже увидел друга. Они подошли, и Сашка просто сказал: «А мы вот в

кино решили сходить. Это Дина, познакомься, она ученица моей мамы. Занимается художественной гимнастикой, между прочим, кандидат в мастера спорта, а еще играет на скрипке в школе Глиэра, это здесь, рядом, на улице Кафанова». Девчонка заинтересованно рассматривала Жеку и улыбалась. Жека тоже попытался взглянуть на девчонку, и когда их взгляды встретились, у Жеки как будто сердце упало вниз, и стало одновременно и больно, и хорошо, и как-то так, что невозможно объяснить, а только хотелось еще и еще смотреть в эти глаза, такие бездонно глубокие, такие, каких Жека в своей жизни не встречал. Да и сама девчонка была что надо: стройная, с красивой спортивной фигурой, и вся такая чистая, такая ухоженная, ну, совсем непохожая на шанхайских халд. Жека хотел что-нибудь сказать, потому что пауза несколько затянулась, но изо рта вырвалось какое-то непонятное блеяние, он покраснел и снова замолчал. Сашка попытался как-то разрядить обстановку наступившей неловкости: «Ну что, может, с нами?». Но Жека сразу понял, что Сашка сказал это так, из вежливости, а на самом деле не горит, чтобы Жека увязался за ними. «Я к тебе завтра забегу», – вдруг прорвало Жеку, он попрощался и ушел, напоследок еще раз взглянув на девчонку.

Всю дорогу до дома он вспоминал удивительные глаза Дины и обдумывал новые отношения своего друга и этой удивительной девчонки. Никогда Жека не завидовал Сашке, чувствуя свою ведомость. И когда Сашка получил первый цветное фото, и когда его транзисторный приемник заработал, и планер полетел, всегда он чувствовал превосходство друга, а тут, тут Жека завидовал, какой-то злой завистью завидовал и никак не хотел мысленно уступать ему эту девчонку. Дина, это удивительное создание, так взбудоражило его, что он не сможет отказаться от нее даже во имя друга. С тех пор как Жека увидел Дину, все его мысли были заняты только ею, его мучила и грызла мысль: «Ну почему она выбрала именно Сашку? Ну почему не кого-то другого?». Вот тогда он бы поборолся за любовь, а тут, конечно, Сашка интересней его, но он какой-то рациональный, какой-то земной, а она вся такая воздушная, романтическая, любящая искусство и поэзию. Нет, он ни на секунду не сомневался, что она именно такая.

Что-то физики в почете,
Что-то лирики в загоне...

– так писал поэт Слуцкий.

Да, лирик Жека мог проиграть, но он этого не хотел и потому решил сражаться за свою любовь. Жека мучился, по ночам, глядя на звезды, сочинял свои незатейливые стихи. Однажды решил их почитать, нет, не Дине, музе и девочке своей мечты, а Сашке. Тот, внимательно послушав стихи, сказал, что они ему понравились, но он в этом мало что понимает, а вот Дина, конечно, могла бы дать точную оценку его сочинительству. Тогда он прямо хотел сказать Сашке, что, мол, посвятил эти стихи Дине и что она ему безумно нравится, но что-то остановило его, и он не решился сказать все это. В душе у Жеки боролись два чувства: любовь к Дине и Сашкина дружба. И тем, и другим Жека дорожил и не мог себе позволить что-то потерять, но и перебороть свою любовь к Дине не было никаких сил. Эта девчонка, так внезапно вошедшая в его жизнь, манила и влекла, она снилась ему по ночам, ее удивительные глаза преследовали его в течение дня. Стоило ему о чем-то задуматься, и перед ним возникал образ любимой. Он мечтал лишь об одном – еще бы хоть раз, один лишь раз, увидеть ее, а там!

Случай представился совершенно неожиданно. Однажды Жека зашел к другу за очередной книгой и застал его за разговором с матерью. Та приглашала Сашку на республиканские соревнования по художественной гимнастике. Сашка отнекивался, мотивируя тем, что не очень любит этот девчачий вид спорта, эти скакалки и мячики.

«Между прочим, – вдруг заметила она, – там выступает и Дина, она будет бороться за звание мастера спорта, и она тоже приглашала тебя прийти». Услышав имя Дины, Сашка моментально согласился. «А можно и мне?» – неожиданно осмелев, заявил Жека. «Ну, конечно!» – ответила мать Сашки.

Так Жека оказался на соревнованиях по художественной гимнастике. В большом спортивном зале, где шли соревнования, большинство составляли представительницы слабого пола. Были, конечно, и мужчины, но вот молодых ребят, таких как Жека и Сашка, было совсем немного. Спортсменки в разноцветных купальниках с мячами и лентами толпились перед главным помостом, многие знали Сашку, скромно здоровались с ним, а потом убегали, что-то щебеча и заливисто смеясь. Жека понял, что Сашка чувствует себя как-то неловко здесь, на этом девчачьем сборище: и сам приперся, и приятеля притащил. Зато Жеке здесь нравилось: такого обилия тоненьких и стройных фигурок, голых плеч и милых мордашек он давно не наблюдал; не видел он и того, как ловко изгибались их тела, ловя обруч или мяч, как четко под музыку они взлетали над помостом, замирая, чтобы точно в соответствующий момент поймать скакалку или булаву. В общем, соревнования ему очень понравились, а особенно ему понравилось выступление Дины. Жека так прямо и сказал Сашке, что она должна стать чемпионкой республики. Правда, чемпионкой Дина не стала, заняла лишь третье место, пропустив вперед каких-то Халилову и Сергейченко, но то, что все-таки заняла призовое место, гарантировало ей звание мастера спорта. Об этом рассказал ему Сашка, и еще он попросил не говорить Дине о том, как здорово она выступала: «Сделай вид, что ты ничего в этом не понимаешь, и просто радуйся ее успеху». Сам же Сашка был чем-то недоволен, долго шептался с матерью и даже в порыве страсти несколько раз громче обычного повторил: «Сволочи! Какие же они сволочи!». Потом соревнования закончились, спортсменкам вручили медали, и Дина в сопровождении Сашки и Жеки отправилась домой. Звездная ночь, приятная теплая ночь, трамвай почему-то задерживался, и они решили идти пешком, по дороге болтали о разных пустяках, шутили и смеялись, а Жека любовался девочкой, с которой были связаны все его мысли в последние дни. Жека шел с ней рядом, а сам чувствовал, что он лишний, что, если бы его не было, Сашка и Дина говорили бы о чем-то таком, о чем в его присутствии они молчали. Может, поэтому Жека пытался втянуть друзей в ничего незначащую болтовню, шутил, рассказывал анекдоты, а потом неожиданно предложил почитать им стихи. Сашка взглянул на небо, звезды были низко, луна ярко светила, ночь: «Смотрите, какая необычная ночь! Жека, почитай стихи, только свои, пожалуйста». Этого Жека не ожидал: свои, да они же такие сырые, да и не поэт он вовсе, нет, он боялся читать эти стихи, да и были они лишь для одного человека, который был здесь, рядом, но даже не догадывался, что они предназначены ей. «Нет, нет я вам почитаю Асадова», – и он начал читать срывающимся от волнения голосом:

Был вечер, пахло в садах листвой,
Горела звезда не мигая.
Шел паренек с девчонкой одной,
Домой ее провожая...

Они дошли до дома Дины. Уже было поздно, а так не хотелось расставаться, еще бы немного постоять рядом, еще немного послушать ее нежный голос и веселый смех, но этот голос как приговор сообщил: «Ну вот, мальчики, я и пришла, спасибо вам за чудесный вечер».

Сашка и Жека стали прощаться с ней, до их дома теперь тоже оставалось чуть-чуть, а когда Дина исчезла в подъезде, Сашка благодарно взглянул на Жеку: «Спасибо тебе, ты даже сам не понимаешь, как поддержал Дину и помог мне».

Жека действительно не понимал, в чем заключалась его поддержка, но раз друг говорит, значит, он чем-то помог, и от этого стало еще лучше и радостней на душе.

Глава 5

Яркое солнце светит в окно, с крыши течет вода. Это снег, выпавший ночью, сейчас интенсивно тает. Струи, стекающие по желобам, весело отбивают мелодию – бум, бум, бах... Жека открывает глаза, настроение приподнятое, ему тепло и хорошо. Сон, который ему снился всю ночь, был так реален, так сладок и чувственен, что, проснувшись, он ощущал неимоверный прилив сил. Во сне он видел ее. Давно ему не снились такие чистые сны, все больше пьяные драки и местные халды в грязных позах, а тут он увидел ее в темно-синем спортивном купальнике, летящую над помостом и взмахивающую красной лентой, такую легкую, такую хрупкую и светлую, что даже страшно к ней прикоснуться. А потом они о чем-то говорят, он восторженно смотрит в ее глаза и ощущает себя умным и сильным. Потом он слышит ее смех, видит ямочки на щеках, набирается смелости и целует ее своими сухими губами в щеку, она краснеет, но не отталкивает, не говорит что-то обидное, а смотрит на него удивленно своими бездонными глазами. Он пытается сказать что-то в свое оправдание и просыпается. Нужно вставать, идти в школу.

Это последний год, дальше взрослая самостоятельная жизнь, нужно что-то решать, куда-то поступать. Единственное, чего нельзя допустить, это армия, где процветает «дедовщина»: вон сколько ребят вернулось из нее калеками. И ведь все знают, а почемуто молчат. Недавно Жека встретил одного парня с их улицы, тот был старше и мечтал после школы поступать на строительный факультет Ташкентского политехнического, ну, недобрал баллов и пошел в армию, а там его, милого, определили в морфлот на подводную лодку. В общем, полгода подготовки – и в поход: «Опустили нас под воду на три месяца, – рассказывал он, – а потом подняли и срочно в пункт приписки на базу. Прибыли, нас на медкомиссию и всем белые билеты, оказывается, в реакторе была какая-то утечка, и хватанули мы с пацанами дозу, что жить нам осталось совсем ничего». Он стянул фуражку, и Жека увидел абсолютно лысый череп, а ведь был лохматым черт. А еще он сказал, что никто за это не ответил, и что им назначили какую-то мизерную пенсию. «А на кой черт мне их пенсия, я жить хочу!». Потом они пошли к стекляшке, взяли пива и водки, и он еще долго со слезами на глазах жаловался Жеке на эту чертову армию и порядки в ней. С того дня Жека решил во что бы то ни стало «откосить» от армии, а самым реальным было поступить в институт. Вот только институт Жека не выбрал. Отец, конечно, считал, что лучшая профессия – это инженер, но у Жеки к техническому вузу душа не лежала, а вот история – так она не могла обеспечить материального благополучия.

Ладно, пора вставать и идти в школу, там друзья Сашка и Мокей, сегодня они собирались сбежать с последнего урока и отправиться в кино, там новый фильм «Ключ», который детям до 16 смотреть не рекомендуется, а им вот-вот исполнится, вон, даже усы растут и бриться начали, так что осложнений не будет.

Не успел Жека появиться в школе, как его тут же пригласили в учительскую. «Что бы это значило?» – недоумевал Жека, медленно направляясь в кабинет. В кабинете учительской за большим столом для заседаний сидела Вера Семеновна, их классная, и еще одна молодая, которую Жека не знал. Что-то отталкивающее было в ней, но что, Жека не мог понять.

«Инструктор райкома комсомола Людмила Савельева», – представилась она. «Тут вот какое дело: один из ваших учеников, бывший комсомолец, – она подчеркнула это «бывший», – решил выехать в Израиль, страну агрессивную, пытающуюся уничтожить дружественные нам арабские страны. Почему я обратилась именно к тебе? Твоя классная сказала, что ты дружил с Фельдманом, а он на поверку оказался предателем Родины. Ты как честный

и преданный комсомолец должен будешь осудить его предательство и, кстати, покаяться, что не сумел вовремя распознать в своем бывшем друге человека, презирающего страну, давшую ему счастливое и безоблачное детство и юность». Жека сидел, низко опустив голову, и молчал. «Когда ты войдешь в класс, ты не должен садиться за парту вместе со своим бывшим другом, он должен почувствовать свою полную изоляцию и всеобщее презрение к нему. Тебе все понятно?». Жека поднял глаза на инструктора и тихо произнес: «Я не смогу все это сделать». Инструктор выпучила на него глаза: «Это как же не сможешь? Ты что, не понимаешь, что рядом с тобой все это время был человек, ненавидящий нашу страну?» – «Ну, почему ненавидящий? Сашка хороший парень, и он совсем невиноват, если его родители решили ехать, он просто вынужден ехать вместе с ними».

«Ну уж нет, “вынужден ехать вместе с ними”». Александр взрослый человек, имеющий собственное мнение на отъезд. Его отец, кстати, тоже бывший член партии, также выступал на собрании партийной ячейки автоколонны, дескать, вынужден ехать к родственникам жены, как будто на ней свет клином сошелся, и он не может найти новую достойную женщину тут. Да, здорово эти евреи заморочили тебе мозги. Ты пойми, что еврейская нация всегда была чужда нашим идеалам, они всегда числили себя здесь чужаками, что бы мы для них ни делали. Они хитростью втираются к нам в доверие, лгут, что верны нашим ценностям и идеалам, а на самом деле презирают их, мы становимся жертвами подлого и коварного обмана, и об этом ты тоже должен сказать. И еще, подумай о своем будущем. Эти, – она презрительно скривила губы, – уедут, а тебе здесь жить. Ты подумай уже одно, что ты дружил с предателем Родины, уже это пятно на твоей репутации, а ты, вместо того чтобы отречься и заклеить позором этого еврея, еще и не хочешь этого делать. Знаешь, мы ведь можем подумать и о твоём пребывании в рядах Ленинского комсомола».

Ее последние слова давали Жеке ясно понять, что, не выполни он указание инструктора, его дальнейшая судьба пойдет наперекосяк, что и его жизнь поставлена на карту. А как же институт? Они способны на все, сообщат в вуз и все, дорога туда закрыта. Как бы угадав, о чем думает Жека, инструктор Савельева вдруг поинтересовалась, чем он хочет заняться после школы: «Небось, в институт собрался», – как бы между прочим заметила она. «Да они все заранее продумали», – мелькнула мысль, и Жека срывающимся голосом сказал: «Хорошо, я согласен». Он еще не знал тогда, положив на чашу весов собственное благополучие и предательство друга, как этот случай перевернет его жизнь, какую ненависть вызовет в нем отречение той, которую он любил всю свою жизнь и потому так возненавидел не только ее, но и все их племя.

В разговор вмешалась Вера Семеновна, понявшая, что Жека напуган и может натворить глупости: «Ты пойми, своим изобличением ты пытаешься помочь своему другу осознать всю неблагоприятность его поступка. Ну, предположим, он не может не ехать с родителями, но даже если он едет, в нем должно быть чувство противодействия этому поступку, он должен воспринимать этот отъезд с горечью, с обидой на тех, кто толкает его к этому, и потому постарайся на собрании не обличать его предательство, таких будет много и без тебя, а убедить его в том, как много он теряет, уезжая отсюда, ведь он вырос здесь». После этих слов Веры Семеновны у Жеки как-то прояснилось в голове. А действительно, почему он обвиняет друга? Нет, он его спасает, он предупреждает его: Сашка, не делай этой ошибки, ошибки, которая может дорого стоить.

Сашка стоял у доски и прямо смотрел в глаза своим обвинителям. Обвинителями была орава двоечников и потенциальных алкашей, которые достойно сменяют своих папаш у стекляшки. Из их обвинений стало понятным, что Сашка не любит русскую литературу и историю, ненавидит страну, которая спасла их нацию от фашистов, презирает социалистическую систему и готов убивать беззащитных арабских братьев во имя проклятого и воинственного израильского империализма. Стройный хор обвинителей поддерживала и вдохновляла

инструктор Савельева. Наконец, когда поток обвинений начал иссякать, поднялся Жека. Вот тут Сашка как-то напрягся и во все глаза уставился на него. «Сашка был моим другом, – хриплым голосом начал он. – Я всячески пытался помочь ему увидеть в жизни нашего общества не только плохое, не только стекляшку с пьяными рожами, но и прекрасные достижения нашей страны и ее светлое будущее. Не буду скрывать, Сашка под влиянием своих родителей часто нелестно отзывался о стране, давшей ему возможность учиться и занять достойное место в ней, и я пытался ему помочь разобраться, что многое зависит от него самого, что не стоит оценивать нашу далеко не идеальную действительность так односторонне. Я думаю, что мы не должны сейчас просто нападать на него, а попытаться переубедить в нецелесообразности его поступка». Чем больше говорил Жека, тем больше складывалось впечатление, что Сашка – жертва обмана, который очень и очень будет жалеть о совершенном им поступке. Чем дольше говорил Жека, тем больше все убеждались в том, что именно он, Сашка, нагло предал и растоптал дружбу, подставил Жеку, в общем-то, хорошего и доброго парня, истинного патриота Родины. Сашкин отъезд отодвинулся куда-то далеко, теперь все сочувствовали Жеке, который по своей наивности доверился этому гнусному обманщику, у которого ничего святого за душой нет. Сашку исключили из комсомола и из школы, не допустив до сдачи выпускных экзаменов. Собрание закончилось, Сашка сам подошел к Жеке и бросил ему в лицо: «Никогда не мог подумать, что ты такой трус». Это были его последние слова, слова, которые, как пощечина, хлестнули по лицу, слова, которые Жека не мог забыть никогда.

Джура снова закрыл глаза и как будто задремал. «Трус», – пронеслось у него в голове. Да, он был прав и, хотя на его счету столько подвигов, столько побед над ненавистным ему врагом, он трус, ибо все его победы – это обман и убийства из-за угла.

Часть 2. Юность

Трудно поверить, но совсем еще недавно здесь цвели сады, щебетали птицы, стояли ухоженные виллы под черепичными крышами. Все это было разрушено проклятыми израильтянами, позорно бежавшими с освобожденных территорий. Многие герои освободительного движения тайно надеялись получить добро, оставленное ненавистными сионистскими врагами, однако вместо этого получили лишь горы строительного мусора на захламленных территориях. Так чего же мы добились своими призывами к освобождению? Какую свободу получили? Может, сумели их накормить, дали им престижную высокооплачиваемую работу, красивые благоустроенные дома? Нет, нет и нет. Снова призываем к борьбе с проклятыми сионистами. Сколько же можно? Ведь когда-нибудь люди поймут, в какое болото мы их тянем.

Джура привалился к сырой стене и стал наблюдать за происходящим на улице.

Глава 1

Спасти друга Жеке не удалось. Вроде и слова были правильными, и бывшего друга он не клеймил позором предательства, а как-то получалось, что именно он, Жека, явился главной жертвой своей доверчивости, именно он, а не Сашка, пострадавший в этой истории. Инструктор Савельева торжествовала, нажимая на подлость нации, которую пригрел на груди любвеобильный русский народ. С тех пор Жека с Сашкой не встречались, Фельдманы были заняты приготовлением к отъезду, а для Жеки наступили времена подготовки к выпускным экзаменам. Единственное, о чем думал и мечтал Жека, это встретиться с Диной и рассказать ей, как он несчастен от потери друга и что он ни в чем не виноват, что ему сейчас очень тяжело, и только она может помочь ему. Но Дина постоянно была не одна: то ее сопровождали подруги, то какой-то мужик с усами, и Жека никак не мог с ней поговорить. Жека решил, что вечером подкараулит Дину у подъезда и объяснится с ней.

Он ждал ее во дворе дома уже третий час, а она все не появлялась. Неожиданно во дворе мелькнули две тени. Жека уже хотел выйти навстречу из-за дерева, за которым простоял весь вечер, но Дина была не одна, и потому Жека замешкался. Дина была вместе с Сашкой. Значит, она продолжает встречаться с ним, с тем, кто по определению страны предал ее интересы, с тем, кто бежит туда, на Запад. «Дура, какая же ты дура, – шептал Жека. – Он уедет и бросит тебя, а ты останешься здесь со всеми проблемами, которые тебя ожидают в будущем. Он там будет блаженствовать в неведении, что ты под прицелом спецорганов, а он забудет тебя и твою любовь на второй день отъезда». Нет, он не подошел, он не сказал все это. Почему? Струсил, испугался, что Сашка даст по морде. Нет, понял, что Сашка не такой, что не бросит и не забудет, что любит ее, а она его, и потому верит ему безгранично. «Ладно, – решил Жека, – объяснюсь с ней, когда он уедет».

И вот этот день настал. О том, что Фельдманы уезжают, Жека узнал от Мокея. Оказывается, этот тоже не порвал связи с предателями Родины и даже помогал им распродавать кое-какие вещи на Тезиковке. Стараясь оказаться не замеченным, Жека тоже пришел на вокзал, где семью Фельдманов провожала немногочисленная группа самых отчаянных, которым терять было нечего. Жека спрятался за одним из бетонных столбов, чтобы было удобно наблюдать за провожающими. Сашка был какой-то рассеянный и все время искал кого-то глазами. Наконец, появилась Дина, и Сашка преобразился, он стал улыбаться и что-то говорить ей с жаром, та слушала и молча кивала, наконец, Сашка сжал ее руки и поцеловал их, потом зашел в вагон, и поезд тронулся. Все провожающие потянулись за отъезжающим поездом, махая руками и что-то крича. «Уехал, уехал навсегда. И будет ли возможность

встретиться?». Она брела по опустевшему перрону, слезы, которые она с трудом сдерживала при нем, теперь катились из ее прекрасных глаз. Жека видел, как ее хрупкое тело вздрагивает от рыданий, видел ее глаза, наполненные слезами. Он должен, нет, просто обязан подойти и объясниться с ней, он должен сказать, что любит ее и никогда не оставит одну, что уехавший Сашка назавтра забудет о ней, а он здесь, рядом, готовый для нее на все.

Жека вышел из своего укрытия и направился прямо к ней. Она почему-то не удивилась, увидев его, только слезы куда-то исчезли и глаза заблестели ненавистью и презрением к нему: «Ты? Что ты тут делаешь? Может, решил донести и на меня? Так знай, я этого не боюсь. Хотел остаться чистым перед этой властью? Ну и оставайся! Или чем больше сдашь, тем чище будешь?». Жека пытался что-то сказать в свое оправдание, предупредить ее о грозящих ей неприятностях, но она ничего не хотела слушать. «Я не хочу быть такой, как ты, я тебя презираю, не ходи за мной, трус». Жека до боли сжал кулаки: «Эх, была бы ты не девчонка... – подумал он. – Но теперь все кончено, ты горько пожалеешь о своих словах, да будет поздно, слишком поздно». Ничего не ответив, Жека повернулся к ней спиной и быстро зашагал прочь. «Выбросить, выкинуть ее из головы, из жизни, никогда не вспоминать даже ее имя. Ненавижу ее, ненавижу ее дружка Сашку и вообще все это жидовское племя. Прав дядя Леша, все они неблагодарные негодяи, отравляющие нам жизнь, а я, я знаю, как отомстить».

Глава 2

Вот он, последний звонок. Все, детство закончилось, пора в путь, жизненный путь такой непростой, с успехами и неудачами, взлетами и падениями, но главное – неизвестностью, что там ждет впереди. Шел 1975 год, год брежневского застоя с пустыми полками в магазинах, одинаковыми газетными полосами, прославляющими мудрую политику партии и ее мудрого руководителя дорогого Леонида Ильича. Так уж распорядилась судьба, что каждому из друзей был уготован свой путь. Сашка с родителями уехал, Мокей, уже имевший несколько приводов в милицию, готовился предстать перед судом за избиение какого-то фраера, и теперь его родители лихорадочно искали деньги, чтобы его отмазать, а Жека корпел над учебниками и готовился к поступлению в институт. Склонившись над учебниками, Жека забывал о Дине, но, когда голова пухла от информации, его мысли предательски возвращались к ней. С задачей вычеркнуть ее из своей жизни Жека не справился, и потому, когда он отправлялся вечером погулять и передохнуть от формул и теорем, его ноги как-то автоматически приводили его к дому, в котором жила Дина. Уже подойдя к нему, Жека осознавал, что зарекся встречаться с ней, и потому, прячась по углам или за деревьями, издали наблюдал, не появится ли она. Несколько раз ему повезло, и он видел, как она возвращалась домой, но подойти и заговорить с ней Жека не решился, хватило и того раза, когда она, не выслушав его объяснений, грубо оскорбила и обидела его. Жеке казалось, что расскажи он тогда, почему он поступил так, она бы поняла и была бы осторожна в общении с Сашкой, но вышло все подругому. Теперь она видела в нем только врага. «Ну что ж, и я должен забыть ее навсегда».

Жека сдал выпускные экзамены и начал готовиться к поступлению в вуз. В те годы мало кто поступал в институт, имея хороший запас знаний. Надо было быть или национальным кадром, или иметь достаточный блат. Для многих категорий существовал негласный процентный барьер, а в некоторые высшие учебные заведения кроме местных кадров, то есть представителей коренного населения республики, вообще никого не принимали. Институт, куда решил поступать Жека, был для инженеров железнодорожного транспорта. Здесь более-менее лояльно относились к поступающим, да и среди местных он не пользовался большим спросом, те предпочитали торговлю. Так что, оценив все возможности, Жека отнес

документы именно в этот вуз. Однако и тут Жеке надо было конкурировать с каким-нибудь Шмуклером, а это для него, гуманитария, было непросто. Но если Шмуклер получал на вступительных экзаменах «пятерки», а Жека твердые «тройки», ему отдавалось предпочтение, т.к. для Шмуклеров был создан еще больший процентный барьер. К тому же Жека втайне надеялся, что если что-то не заладится, он обратится за помощью к Савельевой.

Экзамены Жека сдал неважно, две «тройки» по физике и математике не компенсировала «пятерка» за сочинение, и в лучшем случае ему светило место на вечернем отделении, вот почему он набрался наглости и пошел в райком, чтобы встретиться с Савельевой. По дороге он купил цветы и заявился на встречу к инструктору с жалобой на этих самых Шмуклеров, которые сдали вступительные на «четыре» и «пять» и отодвинули его хотя и не местного, но все же русского, не дав поступить на дневное отделение. Савельева, приняв цветы, заулыбалась и обещала разобраться, успокоив Жеку. Короче, все лето Жека провел в волнении, а в начале августа, в день, когда должны были повесить списки поступивших, отправился в институт. Летняя жара, девчонки в коротких белых платьях с маняще привлекающими голыми плечами и лодыжками, мальчишки в белых рубашках с короткими рукавами, поигрывающие накачанными бицепсами. Толпа во дворе института – не протолкнуться. Многие пришли с родителями, все ходят озабоченные. Пацаны дымили, как заправские курильщики, девчонки пили воду, вздрагивая от каждого оклика. Наконец, из дверей парадного входа появилась секретарь института с помощниками, и они стали развешивать списки поступивших на досках объявлений. Списков было много, досок для объявлений тоже, все списки вывешивались согласно факультетам и группам. Толпа устремила к спискам, кто-то радостно восклицал и прыгал от счастья, кто-то откровенно утирал слезы, кто-то усиленно продолжал искать свою фамилию в списках, тайно надеясь на ошибку в секретариате. Жека неспешно подошел к доске, где должна была быть его фамилия...

В самом конце списка Жека увидел свою фамилию, она была ярче всех остальных и, если внимательно присмотреться, была напечатана на месте какой-то стертой и вымаранной фамилии. «Наверное, Шмуклер, – не без злорадства подумал Жека, – а пойду и проверю, ведь списки вечерников тоже повесили». Он подошел к доске. Да, так и есть, здесь тоже фамилия Шмуклер ярче всех остальных. Он взглянул на смуглого парня с кудрявой черной головой и грустными глазами и радостно улыбнулся ему. Тот, видно, что-то понял, отвернулся и молча побрел из институтского двора.

Глава 3

Студентом Жека был плохим, и если бы кто-нибудь объективно оценивал его инженерные знания, он был бы главным кандидатом на вылет из института после первого учебного семестра. Начав учиться в институте, он и сам понимал, что полез не в свои сани, но теперь, чтобы не вылететь из института, надо было найти что-то такое, что бы дало возможность удержаться в нем. Этим спасительным поплавком стала общественная деятельность, которой активно способствовала инструктор Савельева. За короткое время Жека стал комсоргом группы и членом бюро комсомола на факультете. Он активно писал статьи в общеинститутскую газету и активно распространял среди своих товарищей и сокурсников общепартийные и комсомольские пропагандистские издания. Завертела, закрутила Жеку общественная работа, все реже и реже отмечалось его присутствие на лекциях и семинарах. Очнулся он только перед самой сессией, очнулся и понял, что является одним из первых кандидатов на вылет. Нет, не потому, что ему не поставят хорошие и даже очень хорошие оценки за сессию, с этим было все в порядке, и его покровитель Савельева и секретарь комсомольской организации института уже позаботились об этом, но был на факультете один принципиальный профессор Лившиц. Этот так прямо и заявил, что добьется исключения наглого про-

гульщика и бездельника Жеки из института. «Вы что, хотите держать этого малограмотного, да к тому же ничего не учащего деятеля до конца, да еще и вручить ему диплом инженера? Да никогда!». И как ни уговаривали его самые высокие чины, этот жид не шел ни на какой компромисс. Дело дошло до ректора института, тот вызвал Лившица к себе, долго с ним беседовал и как раз в тот день, когда Жека должен был сдавать ему экзамен, заболел. Экзамен принимал ассистент профессора, какой-то узбек. Тот только глянул в зачетку Жеки, вывел «хорошо», расписался и вернул зачетку, а Жека, выйдя из аудитории к уже поджидавшему его секретарю комитета комсомола факультета, получил срочное и ответственное задание по подготовке к компании по сбору хлопка и оказанию помощи труженикам села.

Активно призывая к оказанию помощи труженикам села, Жека сам не мок под дождем на полях сражений за урожай, не мерз в сырых бараках, где размещали студентов, не пил арычную воду и не болел гриппом и дизентерией. Он наезжал на участки, где мучились его товарищи, собирал сведения за месяц и уезжал с этими бумагами рапортовать в райком, горком и ЦК комсомола республики. Сдобренный цитатами из партийных съездов и пленумов, подкрепленный цифрами сводок, отчет ложился на стол старших товарищей по коммунистическому цеху, те, одобрительно цокая языками, докладывали о достижениях в Москву, а Жека с чувством выполненного долга снова наслаждался свободой и ничего неделаньем. Иногда он забегал в актовый зал, следил, как проходят репетиции самодеятельности, иногда в редакцию студенческой газеты, где должна была появиться его статья. Чаще всего Жека появлялся в райкоме у Савельевой, там он докладывал ей не газетные выкладки, не победоносные достижения и цифры, там он рассказывал ей о недовольствах и настроениях в студенческой среде. Тогда он докладывал ей о тех, кто не желал ехать на сбор хлопка и добывал фальшивую справку от врача, о нежелающих участвовать в стройотрядах, о тех, кто неохотно подписывался на партийные и комсомольские периодические издания и прочее, прочее. После этого студенты, названные Жекой, переставали получать стипендию, заваливали сессию, а то и вовсе отчислялись из института. Зато сам Жека упорно лез вверх, становясь секретарем комсомольского бюро факультета, членом бюро комсомола института, заместителем секретаря комитета комсомола института, получая грамоты и награды за активное участие в общественной жизни института.

«Комсомольцы ударным трудом, успешной учебой встретили мудрые решения партии и его выдающегося руководителя дорогого Леонида Ильича Брежнева. Мы в едином порыве, целеустремленно, с нарастающим энтузиазмом... – слова лились, как из рога изобилия. Жаль только, что изобилия не было, жить становилось все труднее и труднее. – Все вместе, не боясь трудностей, выполним и перевыполним, построим, соберем, это ли не главная задача студенческой молодежи?»

Однажды написанное под диктовку Савельевой выступление годилось на все случаи жизни. Надо было только изменить то, чему посвящалось это выступление: в едином порыве встретим мудрые решения XXIII, XXIV съезда партии или октябрьского, декабрьского Пленума ЦК КПСС, ударной учебой отметим день рождения великого Ленина или День международной солидарности трудящихся и т. д., и т. п. Все это произносилось с комсомольским задором в голосе, дабы зажечь сердца тех, кто отправится покорять сибирские непроходимые болота и валить лес в тайге, строить БАМ; кто, по три месяца живя в бараках и ловя вшей на немытом теле, будет помогать собирать урожаи хлопка, строить коровники и курятники, радуя сельских бездельников дармовой рабочей силой. И весь этот бред словоблудия несли в массы активные партийные и комсомольские пропагандисты, такие, как Жека, которые в конечном итоге сами никуда не ехали, не собирали и не строили. В их задачу входило собирать информацию об «ударном труде» и передавать эту информацию в комитет комсомола организации, те передавали информацию в районные организации комсомола и партии, а те в городские, и так по ступенькам на самый верх. Иногда там, наверху, были недовольны циф-

рами, и тогда сверху поступала директива типа ускорить, повысить, увеличить. Тогда Жека ехал на объект ударной стройки или на сбор урожая, ну, на день, максимум на два. Там он вновь произносил зажигательную речь, хватаясь за лопату или усердно собирая полмешка хлопка, а потом уходил с начальником в его управленческий вагончик, доставал из портфеля бутылку коньяка и закуску и на завтра вез новую информацию с новыми цифрами, где было уже ускорение, повышение и увеличение. Начальство было довольное, цифры показателей резко устремлялись вверх, процентовки закрывались с перевыполнением, следовательно, и Жека не был внакладе, с лихвой окупая средства, потраченные на коньяк. И еще, вращаясь в кругах руководства, он видел их угодничество, их лебезение, их двуличие и прочую закулисную возню, от которой исходил такой смрад, как будто все они были хорошо вымаранными в дерьме, аккуратно прикрываемом красивыми и ничего незначащими словами и партийной корочкой. Иногда Жеке становилось смертельно тошно выносить все это, хотелось все бросить и уехать куда-нибудь далеко-далеко, чтобы не видеть постоянно улыбающуюся и дающую наставления, одно нелепее другого, Савельеву, ректора и декана факультета, сладко попивающих чай на празднике, устроенном по случаю обрезания у младшего сына декана.

Глава 4

Мокей вымахал почти под два метра, был силен, с накачанными бицепсами и взрывным характером. Его любовь подраться стала угрозой не только для ближайших улиц, но и для всего района. Бросив школу еще в восьмом, он занимался перепродажей краденого барахла. Тезиковка была для него вторым домом, где он играл по-крупному со своим верным сотоварищем Самарой. Правда, со дня на день Мокея могли забрать в армию, и тогда хорошо отлаженный бизнес мог развалиться. Мокей было решил косить под дебила, но Самара отговорил, мол, так не бывает, был нормальный на медкомиссии, а тут на тебе – дебил. Тут так упрячут в дурдом, что сроду оттуда не выйдешь и действительно чокнешься. Есть вариант получше, надо его только обмозговать, а ты иди и служи, мы тебе освобождение устроим по полной и без сумасшедшего дома.

И Мокей пошел служить. Проводы растянулись почти на две недели, пили так, что, пожалуй, весь район знал о призыве Мокея, потому как, напившись, Мокей начинал ко всем приставать и всех задевать. Если кто-то выказывал свое недовольство, начиналась драка, били не сильно, а так, для острастки, ведь свои же. А еще напоследок Мокей попортил пару девок. Он и без того был тот еще «жеребец», и девчонки к нему льнули, а тут. Когда еще испытываешь наслаждение близости, ведь уходишь черт его знает куда на два года. В общем, вдоволь погуляв, Мокея отправили в стройбат, который дислоцировался в казахстанской степи, где до ближайшего поселка была почти сотня километров. В сильном хмельном угаре призывники расселись по вагонам и потом еще двое суток, пока добирались до части, пили и закусывали снедью, приготовленной заботливыми родителями. По прибытии в часть «молодых» поместили в отдельную казарму на «карантин» до принятия присяги. Здесь хорошо накачанный и умеющий подраться Мокей почувствовал силу власти, унижая тех, кто был слабее его. Но всему приходит конец, после принятия присяги Мокей оказался во взводе со старослужащими, здесь только старики устанавливали порядки, а Мокей попытался что-то вякать против них. Расплата не заставила себя долго ждать. Ночью Мокея подняли и отвели в уборную, там пятеро не менее накачанных «стариков» стали вправлять Мокею мозги. Хотя Мокей привык к ударам в драках, тут, кувыряясь и корчась на полу в соплях и крови, он только жалобно скулил о том, что все понял и чтобы его больше не били. Так Мокей получил свой первый армейский урок и усвоил, что главные командиры для таких как он салаги – «старики», потому что даже сержанты, отслужившие по полгода и окончившие сержантскую школу, боятся с ними конфликтовать. После этого урока Мокей попал в санчасть, где, как

заклинание, повторял лишь одно, что поскользнулся и упал в подсобке столовой, а на него со стеллажей свалились котлы и кастрюли. Из санчасти Мокей вышел тихим и теперь качал права только перед такими, как он, салагами, всячески подыгрывая и угождая «старикам».

Тем временем Самара уговорил молоденькую телеграфистку, и в распоряжение части, где служил Мокей, полетела телеграмма, заверенная якобы врачом, о том, что мать Мокея попала под поезд и теперь в тяжелейшем состоянии просит приехать Мокея проститься. Мокей пошел с этой телеграммой к командиру и попросил краткосрочный отпуск. Командир, конечно, поворчал, но не зверь ведь – мать, и отпуск дал. Всего с учетом дороги вышла неделя, и Мокей засобирался домой. Весь вечер Мокей шатался по части со скорбным видом, куря сигареты одну за другой и громко вздыхая. Даже «старики» его не трогали, сочувствуя горю. Утром Мокей отправился в областной центр, из аэропорта которого летали самолеты до Алма-Аты. Из Алма-Аты Мокей должен был лететь до Ташкента. До отправления рейса на Ташкент оставался еще час, и Мокей, чтобы скоротать время, зашел в ближайший к порту магазин, где купил бутылку водки. Еще в магазине Мокей заметил какого-то бомжа, который жадным взглядом провожал бутылку, купленную Мокеем, когда тот укладывал ее в чемоданчик. Мокей вышел из магазина, бомж последовал за ним и, приветливо улыбаясь, вдруг проблеял – да, именно проблеял, потому что речь его напоминала бляенье барана: «Солдатик, а с водкой тебя в самолет не пустят, лучше ее сейчас выпить». Ба! Да ведь он прав, с недавнего времени ввели шмон багажа, и с водкой в самолет не пустят, придется ее пить здесь. Бомж, которого звали Васей, достал из кармана плавленый сырок, и под эту закуску они с Мокеем раздавили бутылку прямо «из горла». То ли от выпитого, то ли от предстоящих отпускных дней, но настроение Мокея настолько улучшилось, что он готов был сейчас громко запеть или пуститься в пляс. Наверное, так все бы и произошло, но перед зданием аэровокзала появился военный патруль. Этого еще не хватало: встреча с патрульным, да еще и с запахом спиртного, была для Мокея совсем нежелательна. Хорошо, что рядом был Вася. Мокей в двух словах объяснил Васе ситуацию, и тот мгновенно все поняв, решил сыграть роль «сердобольного родственника», поспешив к посадочному входу. Конечно, патрульный офицер обратил внимание на Мокея, но «родственник» Вася был столь убедителен, так достоверно пускал слезу и корил себя за то, что уговорил Мокея выпить за умирающую мать, что он сжалился над Мокеем и его добрым родственником и лично проводил до трапа самолета.

Как только Мокей зашел в самолет, он сел в кресло у окна, сладко зевнул и проспал весь полет до дома. В аэропорту Мокея встречал его закадычный друг Самара. Расчет Самары был прост: Мокей прибывает домой, видит, что мать жива и здорова, у него стресс и на этой почве его психика нарушается, а там гони пургу. Когда Мокей появился дома, тетка Мария вытаращила глаза, а дядя Леша, будучи в легком подпитии, радостно заулыбался беззубым ртом, нет, не оттого, что увидел ненаглядное чадо, а просто потому, что появился повод выпить. Но пить с отцом Мокей не стал. Скинув военную робу, он сказал, что ему некогда, что есть дела, и исчез за дверью. Там его уже ждали старые друзья Самара, Сидор и татарин Равиль. Самара вручил Мокею справку психиатра, где было написано, что он пережил страшный стресс, который привел к приступам депрессии, и его дальнейшее пребывание на армейской службе весьма проблематично. Как Самара достал этот документ, осталось загадкой, но Самара заявил, что пришлось потратиться, и необходимо деньги отработать, а потому сегодня нужно реализовать партию товара, который хранится у него на квартире, и сделать это надо срочно. Весь оставшийся день Мокей мотался по прикормленным точкам, сбывая товар, изрядно поднакопившийся у Самары, а вечером друзья отправились в «Лимонию». Там кулаками они доказали, кто здесь хозяин не в меру распетушившемуся молодняку, начавшему качать свои права. Несколько поломанных стульев, разбитая стереоустановка и десяток носов молодняка быстро расставили все по своим местам и привели в чувство строптивых молодых «петушков». Воодушевленные успехом Самара и Мокей отправились в жен-

ское общежитие железнодорожного института, где тоже изрядно пошумели, правда, оттуда им пришлось ретироваться, так как девчонки вызвали милицию. А на следующий день все началось заново, и так все десять дней мокеевского отпуска.

Накануне последнего дня, когда Мокей должен был явиться в военкомат и предъявить справку о своей болезни, дабы пройти новую медкомиссию, Мокей наконец-то появился дома и тут разыгралась трагедия. Мокей был пьян, пьяным был и дядя Леша. Увидев сына, он предложил выпить еще, поглядывая на сумку, которую принес Мокей. Мокей достал из сумки бутылку дорогого коньяка, разлил жидкость по граненым стаканам и залпом опрокинул свой, закусив огурцом. «Ну, рассказывай, что у тебя», – спросил отец, тоже выпив. «А ничего, завтра пойду комиссоваться, не могу я в этой долбанной армии, у меня тут дел навалом». Пьяный дядя Леша зло посмотрел на сына и изрек: «Значит, дезертировать хочешь, щенок, мы таких, как ты, во время войны сразу к стенке ставили, мы таких, как клопов поганных, давили». Теперь уже Мокей посмотрел на этого «героя» с нескрываемой ненавистью: «Это кто же давил? Ты что ли? Да ты, падла, даже на фронте не был!». Глаза дяди Леши налились кровью, он размахнулся и влепил Мокею оплеуху. Теперь пришла очередь Мокея: кулаки его налились свинцом, ненависть, так долго копившаяся в нем, поперла из самых затаенных глубин его изуродованной души, и он не раздумывая начал лупить столь ненавистного ему папашу. Сначала Лешка пытался защищаться, но вскоре понял, что силы неравны, и начал кричать, чтобы его спасли. А Мокей, сбив отца с ног, продолжал бить его ногами. В комнату влетела и тетка Мария, она пыталась оттащить Мокея от отца, но Мокей бил и бил своего врага за бессонные ночи, за изуродованное детство, за поломанные руки и ключицы, за беспризорщину при живых родителях. Потом кто-то из соседей вызвал милицию, а те, выяснив, что Мокей в армии, военный патруль. Короче, дело попало в военную прокуратуру, прокурор оказался дотошным и въедливым, он раскопал все: и фиктивную телеграмму, и заплаченную справку психиатра. Во время драки дядя Леша лишился глаза и долго лежал в больнице, залечивая переломы и ссадины, и хотя и он, и тетка Мария отозвали свои заявления в милицию, Мокей получил пять лет, два из которых в колонии, а оставшиеся три на поселении. Суд был закрытым, а его решение тетка Мария получила по почте. Потом Мокей надолго пропал и только через два года написал родителям, что живет на поселении у города Навои и работает на большегрузной машине, что собирается жениться на хорошей женщине, которая работает в их столовой, но живет в Навои, где у нее есть квартира.

Обо всем этом Жека узнал, когда тетка Мария пряталась у Жекиных родителей от не в меру разбушевавшегося одноглазого дяди Леши, принявшего изрядную дозу спиртного.

Глава 5

Прибыв на свою историческую родину, Сашка с родителями оказался в Центре абсорбции. Центр – это четырехэтажное здание, где два последних этажа отданы под комнаты для проживания, а два первых – учебные классы, актовый зал и общественная столовая. Главной задачей центра являлось обучение языку иврит, на это отводилось полгода, по истечении которых тебя отправляли в свободное плавание. Те, кто успел схватить язык, да еще с востребованными специальностями, легко находили работу и быстро вливались в разношерстное израильское общество; те, кто нет, довольствовались малопrestiжными черными работами. Высокий уровень советского образования позволял врачам, электрикам и электронщикам, строителям и механикам легко находить работу на израильском рынке. Людям, которые не имели востребованных специальностей, предлагали курсы переквалификации. Хуже всего было людям творческих профессий: этим иногда долго и упорно приходилось доказывать свою профпригодность обществу, но и они при твердости и нахрапистости находили свое место под солнцем.

Отец Сашки сразу же нашел работу, даже его слабый и корявый иврит не стал помехой, потому как голова и руки могли молча решать и ликвидировать технические проблемы. «Механик, он и в Африке механик», – шутил отец. А вот мать Сашки долго и упорно пробивалась со своей тренерской работой: сначала организовала кружок художественной гимнастики, потом показательные выступления, уж потом спортивную секцию. Теперь израильские девочки тоже захотели быть стройными и гибкими, такими, как ее несколько воспитанниц из Союза. Но, пожалуй, легче всего период адаптации прошел у Сашки. Молодость и хваткий ум быстро сделали из него израильтянина. Уже через полгода Сашка сносно болтал на иврите, пел с друзьями песни на непонятном ранее языке и стал учиться на подготовительном курсе для поступления в институт. Правда, и культ русского языка в их семье поддерживался, так как в условиях, когда все окружение говорит на иврите, русский легко забывается, посему было принято решение общаться между собой по-русски.

Жизнь как будто налаживалась, только одно мучило и не давало покоя: как там Дина? Сашка писал ей длинные письма, посылал посылки с модными сапожками и кофточками, куртками и туфлями и, конечно, вызовы для посещения Израиля. А Дина, десятки раз прочитав эти письма, надев очередную кофточку, присланную любимым, утирала слезы, понимая, что не следует ждать скорой встречи, что выжившие из ума советские руководители все больше и больше отдалают их встречу на Земле Обетованной. Но написать об этом Сашке она не могла, и потому, утерев слезы, она садилась и писала ответ о том, что тоже ждет встречи с ним, что мечтает приехать, но вот в отделе виз и регистраций засел какой-то бюрократ, и разрешения пока что нет, что она попрежнему его любит и не может забыть и надеется на их скорую встречу. Потом она писала о занятиях музыкой и спортивных достижениях, о новом тренере, к которому никак не может привыкнуть, об их общих друзьях и знакомых, о родителях, но ни разу, ни в одном письме она не написала о Жеке, о том, что видела, как он следил за нею, как не решался подойти и объясниться. Да и Сашка ни в одном из своих писем ни разу не упомянул о Жеке, хотя горько переживал обиду на трусость и предательство бывшего друга. Друга? А был ли он другом? Много раз Сашка задавался этим вопросом: вот Мокей другом, конечно, не был, но было в нем все открыто, не любил, так не любил, и открыто об этом говорил, а если удавалось его в чем-то переубедить, то он был верен этому до конца. А Жека вроде с тобой и согласен с первой минуты, но согласие какое-то скользкое, того и гляди, вырвется и уползет, затаится и в самый неподходящий момент станет громадным отрицанием того, что минуту назад воспринималось им как восторженное согласие, и при этом искренность так и светится во взгляде, и слова такие правильные, такие простые, доходчивые, в правоту которых хочется верить. Вот Дина, она сразу раскусила двуличность Жеки и поняла, какая опасность исходит от него. Она еще тогда, когда они встречались втроем, как-то заметила, чтобы он не очень откровенничал со своим другом, и на его удивленный вопрос почему, сквозь зубы прошептала: «Не нравится он мне». Сашка тогда даже возмутился, защищая друга, а Дина ласково улыбнулась и сказала: «Ну, может, я не права, а только кажется мне, что твой друг двуличен и не всегда искренен с тобой, но, может, я ошибаюсь». Нет, милая, ты не ошиблась, ты была гораздо ближе к истине, чем я.

Глава 6

«Сейчас бы водки стакан, холодно до жути», – думал Мокей. Вообще, тут, в пустыне, ни черта не понять: днем жара под тридцать, а ночами холодрыга – зубами стучишь. Вот тебе и гульнул, вот и отпраздновал свободу – вместо армейской казармы, оказался на тюремных нарах. Порядки здесь покруче, чем в армии, да и бьют посильнее, а ежели что не по понятию, то и убьют или «опустят», что совсем гибло: одно дело, если сидел как мужик, и совсем другое, если опетушили. У Мокея это первая отсидка, и главное было остаться мужиком.

Крепость его кулаков проверяли неоднократно, били тоже нещадно, водили к куму (зам по надзору в колонии) на свидание, тот уговаривал сдать тех, кто бил, и вообще сообщать кое-какие сведения о своих строптивых товарищах, но Мокей не сломался и сумел доказать, что он мужик и не опустится до парши. Пахан так прямо и сказал: «Щенок цепкий, со временем волкодавом станет», – и с тех пор Мокей стал как все, не нарывался, мнение свое не высказывал, ждал, что скажут люди поумнее да поавторитетнее, и четко выполнял распоряжения тех, кто был наделен такими полномочиями паханом. Пахана Мокей узнал тогда, когда в колонии решили порешить одну гниду, который бегал к куму на доклад. Чего-то у них, у авторитетов местных, не заладилось, и оперативники готовились взять всех на мокрухе, а Мокей упредил и сообщил все надежным людям, гниду порешили, но опера ничего не нашли и так и не узнали, кто его пришил. После этого Мокея и позвали к пахану, и сообщили, что ежели не его, то есть Мокеева, информация, все бы сорвалось. Правда, помогая пахану, Мокей не учел того, что накрепко привязывает себя к уголовному миру. Он становился одним из них, тех, кто жил и будет жить по понятиям и законам этого мира, и кому нет пути назад.

Однажды ночью Мокея разбудил Харя – шестерка пахана: «Иди, сам кличет, есть дело». Пахан с погонялом Старик был вовсе не старым, лет ему было около пятидесяти, был он крепок и широк в груди, роста среднего и с карими глазами на широкоскулом лице. Глаза его, если он злился, становились почти черными. Вот и сейчас, встретив Мокея, глаза его были черны: «Тут такое дело, стало быть, известно нам, что новый фраер из третьего барака на свидания к куму бегаёт. Ты, Мокей, мужик надежный, поучи фраерка, а мы тебя прикроем, да и братва спасибо скажет, что гниду урезонил». Конечно, Мокей готов был отслужить Старику, ведь это он прикрывал его перед более опытными и авторитетными мужиками и, несмотря на свою первую отсидку, был равный с ними, да и потом, ведь это просьба не только Старика, вся братва просит, и Мокей согласился. Правда, Старик не сообщил Мокею, что фраерок из третьего барака был не кто иной, как Кузьмич, а Кузьмич по авторитету был куда круче Старика. Старик понимал, что, оказавшись вместе с ним в зоне, Кузьмич приобретёт его власть, поскольку считает, что Старик – это мелкая сошка в уголовном мире, и короновали его по глупости второсортные фраера. Уже сегодня мужики с несколькими отсидками легли под Кузьмича, а за Старика оставалась так, мелкая шалупонь, не знавшая, кто такой Кузьмич. Конечно, просто так Старик не отступит, но и войны и крови не хотелось бы, поэтому он и поручил Мокею порешить Кузьмича, а потом свалить вину на него и его незнание авторитетов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.